

**«Шотландская строфа» у Пушкина
(К творческой истории стихотворения «Обвал»)**

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истошась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои берега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

(Акад. Т. 3. С. 197—198)

Необычная для русской поэзии ямбическая строфа, которой написаны два стихотворения Пушкина, «Обвал» (1829 ?) и «Эхо» (1831), дав-

но обратила на себя внимание исследователей. В классической работе «Строфика Пушкина» Б. В. Томашевский описывает ее следующим образом: «...по числу стоп 444242 на одних мужских рифмах, все четырех-стопные стихи оканчиваются на одну рифму, а двустопные на другую, так что формула рифм такова: ааабаб». «Данная строфа, — уточняет он, — английского происхождения»¹, с чем нельзя не согласиться. Именно в английской поэзии она получила широкое распространение и даже имеет особое название: «шотландская» (Scottish stanza) или «бернсовская» (Burns stanza), данное ей потому, что ее канонизировали шотландские поэты второй половины XVIII в., и, больше других, Роберт Бернс, который написал ею около пятидесяти стихотворений². В примечаниях к «Обвалу» в «венгеровском» собрании сочинений Пушкина П. О. Морозов указал на догадку А. В. Дружинина, еще в 1855 г. предположившего, что форма стихотворения заимствована прямо у Бернса, которым Пушкин, по его наивному убеждению, не мог не восхищаться. «Нам всегда казалось, — писал Дружинин, — что конструкция строф в “Обвале” (чисто бернсовская) не есть случайность»³. Однако впоследствии предположение Дружинина было отвергнуто пушкинистами, — и не только потому, что никаких свидетельств интереса Пушкина к Бернсу не существует. Решающую роль здесь сыграло открытие Н. В. Яковлева, который установил бесспорный источник для «Эха» — написанное «шотландской строфой» стихотворение Барри Корнуола «Прибрежное эхо» («A Sea-Shore Echo»). С этим же стихотворением Яковлев связал и творческую историю «Обвала», которая в его реконструкции складывалась в такой последовательности. По возвращении с Кавказа, осенью 1829 г., Пушкин знакомится с сочинениями Барри Корнуола по вышедшей тогда книге четырех английских поэтов (The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall: Complete in One Volume. Paris, 1829), которая потом была у него в Болдине. «В поисках форм, наиболее отвечавших его цели — выразить возможно полнее свои недавние кавказские впечатления, — Пушкин наткнулся <...> на готовый размер “Прибрежного Эхо” Корнуола, — размер, как нельзя более гармонировавший своею отрывистой и сжатой силой с дикостью горного

¹ Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // ПИМ. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 82.

² Об истории и структуре строфы см. подробнее: Schipper J. Neuenglische Metrik in historischer und systematischer Entwicklung dargestellt. H. f. 2: Strophenbau. Bonn, 1888. S. 586—587; Saintsbury G. Historical Manual of English Prosody. London, 1914. P. 273—274; Fussell P. Poetic Meter and Poetic Form. New York, 1965. P. 152—155 и др.

³ Дружинин А. В. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений // БдЧ. 1855. Т. 130, № 4. Отд. III. С. 74.

пейзажа»⁴. Таким образом, чтение «Прибрежного эха», по Яковлеву, дает толчок замыслу «Обвала»: Пушкин перенимает у полюбившегося ему английского поэта необычную стиховую форму, подобно тому как год спустя он переймет у него форму «драматических сцен».

Гипотеза Яковлева была безоговорочно принята Б. В. Томашевским⁵, Л. С. Сидяковым⁶, а затем и В. Д. Раком, который воспользовался ею как главным аргументом для решения сложного вопроса о датировке «Обвала». Хотя Пушкин в третьей части «Стихотворений» (1832) отнес «Обвал» вместе с другими кавказскими стихами к 1829 г., а в дальнейшем планировал включить его в цикл, названный «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», истинная датировка всех стихотворений этой группы, как писал Н. В. Измайлов, «очень неясна и приблизительна»⁷. Мы не можем с точностью сказать, были ли они сочинены, хотя бы вчерне, во время поездки на Кавказ (май—август 1829 г.), или на обратном пути, во время пребывания на Кавказских водах (август — 8 сентября 1829 г.), как полагал Измайлов, или осенью, когда Пушкин останавливался в Москве и Тверской губернии, или зимой 1829—1830 г. в Петербурге, или даже в последующие месяцы. По резонному замечанию Измайлова, «вопрос осложняется и тем, что <...> большая часть кавказских стихотворений обрабатывалась Пушкиным в Болдинскую осень 1830 года»⁸. Так, пушкинские пометы «29 Окт<ября>» и «30» на автографе «Обвала» (ПД 115) принято относить не к 1829-му, а к 1830 г.⁹, хотя никаких аргументов в пользу именно такой датировки до работы В. Д. Рака не предлагалось.

Приняв гипотезу Яковлева о происхождении строфы «Обвала» за «данность», В. Д. Рак установил, что парижская книга четырех поэтов вышла в свет лишь в октябре 1829 г. и, следовательно, могла оказаться на прилавках книжных лавок Петербурга и Москвы «в лучшем случае вряд ли ранее декабря, а реальнее — значительно позже»¹⁰. Если же Пушкин приобрел книгу, в которой прочитал «Прибрежное эхо» Кор-

⁴ Яковлев Н. В. Последний литературный собеседник Пушкина: (Бари Корнуоль) // ПиС. Пг., 1917. Вып. 28. С. 27.

⁵ См.: Томашевский Б. В. Строфика Пушкина. С. 82.

⁶ См. его примечания к «Обвалу» в кн.: Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подгот. Л. С. Сидяков. СПб., 1997. С. 567 (Лит. памятники).

⁷ Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 221.

⁸ Там же.

⁹ См.: Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937. С. 48.

¹⁰ Рак В. Д. К датировке стихотворения «Обвал» // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 320.

нуола, только в 1830 г., то и датировку «Обвала», полагает В. Д. Рак, следует сдвинуть с 1829-го на 1830 г.

Между тем сама гипотеза Яковлева, на наш взгляд, далеко не столь убедительна, как принято считать. Во-первых, в поэтической практике Пушкина, кажется, нельзя найти другого случая, когда одно и то же стихотворение иностранного автора использовалось бы им дважды — сначала исключительно как метрическая модель, а затем, после более чем годичного перерыва, как источник и метра, и темы. Во-вторых, в вероятный круг пушкинского чтения 1828—1830 гг. входил целый ряд английских текстов, в которых Пушкин мог встретить «шотландскую строфу» еще до знакомства с «Прибрежным эхом». Прежде всего следует обратить внимание на важный историко-литературный факт: в мае 1829 г. в Петербурге вышла в свет тридцатисемистраничная книжечка «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Борнсу И. Козлова», где, кроме заглавной поэмы (в оригинале «The Cotter's Saturday Night»), было напечатано и стихотворение «К полевой маргаритке, которую Роберт Борнс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал железом сохи в апреле 1786 года» — перевод знаменитого бернсовского «To a Mountain Daisy, on Turning One down with the Plough in April 1786», написанного «шотландской строфой» (см. приложение)¹¹.

Первые русские переводы из Бернса привлекли внимание газетной и журнальной критики¹². В июльском номере «Московского телеграфа» была напечатана пространная рецензия на книжку И. И. Козлова, автор которой (вероятно, сам редактор журнала Н. А. Полевой) выказал неплохое знание биографии и творчества шотландского поэта — по его словам, «одного из тех феноменов, которых явление можно уподобить молнии на вершинах пустынных гор». Критикуя переложение «Субботнего вечера», в котором Козлову, по его оценке, не удалось передать характер «пламенного певца Шотландии, сгоревшего в огне страстей», рецензент с похвалой отзываясь о «Полевой маргаритке». «Это прелестное стихотворение более сохранило в русском переводе свою первобытную свежесть и красоту, — пишет он. — В нем Борнс виднее и понятнее для русского читателя, чем в переводе предыдущей пьесы»¹³.

¹¹ Анализируя строфу «Обвала» и «Эхо», Б. В. Томашевский в качестве английской параллели к ней приводит именно «To a Mountain Daisy...» Бернса и попутно разбирает перевод И. И. Козлова, который он ошибочно датирует 1833 г. (Томашевский Б. В. Строфика Пушкина. С. 82).

¹² Подробнее см.: Левин Ю. Д. 1) Бернс на русском языке // Бернс Р. Стихотворения. На англ. и рус. яз. М., 1982. С. 538; 2) Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 234—235.

¹³ Н. Н. О жизни и сочинениях Р. Борнса // МТ. 1829. Ч. 28, № 14. С. 195, 206, 209.

Вполне вероятно, что Пушкин не пропустил интересную новинку и захотел сравнить перевод Козлова с оригиналом. Это могло произойти как осенью 1829 г. на обратном пути с Кавказа — скорее всего, в Москве, где он, по всей видимости, читал летние номера московских журналов и часто встречался с П. А. Вяземским, который внимательно следил за творчеством И. И. Козлова и только что написал предисловие к его переводам из Мицкевича¹⁴, — так и в Петербурге, куда Пушкин вернулся 9—10 ноября. Любопытно, что принадлежавший Пушкину двухтомный сборник Бернса разрезан только до тех страниц первого тома, на которых напечатано «To a Mountain Daisy, on Turning One down with the Plough in April 1786», как если бы он искал в книге именно переведенное Козловым стихотворение¹⁵. При этом стоит подчеркнуть простую истину: для усвоения «шотландской строфы» Пушкину не нужно было ни знать и любить Бернса, ни понимать шотландский диалект, на котором написаны его стихи, ибо отвлечение от смысла не затрудняет, а, наоборот, облегчает восприятие твердых стиховых форм.

При сопоставлении перевода и оригинала Пушкин должен был заметить, что Козлов несколько упростил «шотландскую строфу». Сохранив схему Я444242 со сплошными мужскими окончаниями, он не сумел соблюсти единство рифмы во всех четырехстопных стихах

¹⁴ Книга «Крымские сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова» (СПб., 1829) вышла в свет в октябре 1829 г. В «предисловной» статье Вяземского, помимо разбора сонетов и их переводов, упоминался Пушкин (см.: *Козлов И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 459—460, примеч. И. Д. Гликмана (Б-ка поэта; Большая серия)).

¹⁵ The Poetical Works of Robert Burns. Chiswick, 1829 (Библиотека П. № 691). На предшествующих страницах напечатано еще 11 стихотворений, написанных «шотландской строфой», а также переложенная Козловым поэма «The Cotter's Saturday Night». Подражая В. Д. Раку, я попытался установить, когда данный двухтомник Бернса мог попасть в Россию, и выяснил, что он был выпущен еще в 1821 г., в составе популярной серии малоформатных книг «Whittingham's Cabinet Library», где имел номера 32—33. Как явствует из объявлений в английских газетах (см., например: *The Morning Chronicle*. 1822. 20 november; 1824. 27 may; 28 june), все книги, входившие в эту серию, постоянно допечатывались и продавались на протяжении многих лет. В ряде случаев, однако, печатники изменяли оформление титульного листа (например, добавляли гравюру или виньетку), загодя ставя на нем тот год, начиная с которого книга поступала в продажу в обновленном виде. Именно это и произошло с собранием стихотворений Бернса, для которого был изготовлен новый титульный лист с гравюрой Джона Томпсона, помеченный 1829 г. (см.: *Warren A.* The Charles Whittingham Printers. New York, 1896. P. 79). Можно предположить поэтому, что двухтомник продавался в Англии с самого начала 1829 г. и к ноябрю—декабрю должен был поступить в петербургские и московские книжные лавки.

и зарифмовал их попарно, по формуле aabcbc¹⁶. В «Обвале» Пушкин виртуозно решает ту сложную техническую задачу, с которой не справился Козлов, демонстрируя, что «шотландская строфа» может быть воспроизведена на русском языке со всеми своими особенностями. При этом изощренная звукопись стихотворения, в котором семь раз повторяется сочетание звуков «вал», заданное заглавным существительным и его английским и французским эквивалентом *avalanche*¹⁷

¹⁶ Той же строфой Козлов написал и стихотворение «Тоска по родине. Вольное подражание Шатобриану» (см.: *Козлов И. И.* Полн. собр. стихотворений. С. 213—214). В XIX в. все русские переводчики Бернса использовали эту упрощенную форму «шотландской строфы».

¹⁷ В рукописи ПД 115 «avalanche» написано в скобках после заглавия (см.: Акад. Т. 3. С. 792). Отсутствие артикля показывает, что это не перевод заглавного слова на французский язык (иначе Пушкин должен был бы написать «L'avalanche»), а помета иного рода, относящаяся скорее к языку английскому. Возможно, Пушкин не только сопоставлял два слова со сходным звучанием и одинаковым значением, но и вспоминал какие-то описания горных обвалов в английской литературе. В первую очередь он мог иметь в виду Байрона, у которого в швейцарском дневнике есть запись от 23 сентября 1816 г., опубликованная впервые в 1822 г.: «Heard an Avalanche fall like thunder» ([*Watkins J.*] *Memoirs of the Life and Writings of the Right Honourable Lord Byron, with anecdotes of some of his contemporaries.* London, 1822. P. 271). К 1829 г. Пушкин мог знать ее по нескольким источникам, и в том числе по книге Луизы Беллок «Лорд Байрон», где она приводится как в оригинале, так и во французском переводе: «Entendu une avalanche tomber comme la foudre» (*Belloc L. S.* *Lord Byron.* Paris, 1824. Т. 1. P. 349). Сравнение альпийского обвала с громом Байрон повторил и в строфе LXII третьей песни «Странствий Чайльд-Гарольда»: «...Above me are the Alps, / The Palaces of Nature, whose vast walls / Have pinnacled in clouds their snowy scalps, / And throned Eternity in icy halls / Of cold sublimity, where forms and falls / The avalanche—the thunderbolt of snow» (*Byron G. G.* *Selected Poems / Ed. with a Pref. by S. J. Wolfson and P. J. Manning.* London, 1996. P. 436). В первом действии «Манфреда» герою является дух Монблана, которому подвластны лавины и ледники: «Mont Blanc is the monarch of mountains <...> / The Avalanche in his hand; / But ere it fall, that thundering ball / Must pause for my command» (*Ibid.* P. 465). Еще раньше, в «Осаде Коринфа», Байрон использовал образ горной лавины в сравнительном обороте: «Like the avalanche's snow / On the Alpine vales below» (*Ibid.* P. 381), с той же игрой на *val*, что и в «Обвале». Упоминания об альпийских обвалах Пушкин мог заметить и у английских поэтов «озерной школы» — в частности, в «Отрывочных строфах» («*Desultory Stanzas*», 1822) Вордсворта, где лирический герой, как в «Кавказе» Пушкина, взирает на горный пейзаж с вершины горы и вдруг слышит «ужасный звук» падающей лавины («But list! the avalanche — the hush profound / That follows — yet more awful than that awful sound»; см.: *The Poetical Works of William Wordsworth: In 5 vol.* London, 1827. Vol. 3. P. 302). Некоторые параллели к пушкинским кавказским пейзажам обнаруживаются также в стихотворении Кольриджа «Гимн перед рассветом в долине Шамони» («*Hymn before Sunrise, in the Vale of Chamouni*», 1802). Кольридж сначала описывает ледяные лавины,

(валы—волнистой—сорвался—обвал—вал—прервал—обвал), и избыточно односложные знаменательные слова (бор, мглы, гор, скал, вал, рев, волн, гнев, злой, вод, свод, путь, шел, конь, вол, вел), как бы имитирует состав английской поэтической речи¹⁸. Если вспомнить, что Пушкин обычно обращался к чужим стиховым формам (белый ямб, терцина, сонет, октава, «испанский» хорей) только после того, как их уже начали осваивать другие русские поэты, то можно заподозрить, что одной из причин его обращения к «шотландской строфе» было желание вступить в соревнование с Козловым.

Впрочем, «шотландская строфа», вероятно, была знакома Пушкину еще до выхода книжечки переводов из Бернса. Например, перелистывая любимые романы Вальтера Скотта по-английски, он мог заметить ее в нескольких эпиграфах, взятых опять-таки из Бернса, — например, к «Повестям моего домохозяина» («Tales of My Landlord», 1816—1832) или к главе IX «Гая Мэннеринга» («Guy Mannering», 1815), а также в авторских предисловиях к «Монастырю» («The Monastery», 1820) (где снова цитируется Бернс) и к третьему изданию «Уэверли» («Waverley», 1814) (где приведен текст анонимного шотландского стихотворения «The Author's Address to All in General»). Сам «шотландский чародей» написал «шотландской строфой» вставную песню минестреля в поэме «Рокби», которую Пушкин наверняка знал¹⁹:

THE HARP

I was a wild and wayward boy,
My childhood scorned each childish toy;
Retired from all, reserved and coy,

скатаывающиеся с горных вершин в огромные ущелья и останавливающие быстрые реки («Ye Ice-falls! ye that from the mountain's brow / Adown enormous ravines slope amain — / Torrents, methinks, that heard a mighty voice, / And stopped at once amid their maddest plunge! / Motionless torrents! silent cataracts!»), а затем обращается к «седой горе», с чьих «ног» часто низвергаются беззвучные обвалы: «Thou too, hoar Mount! with thy sky-pointing peaks, / Oft from whose feet the avalanche, / Shoots downward, glittering through the pure serene...» (The Poetical Works of Coleridge, Shelley, and Keats. Paris, 1829. P. 36—37; Библиотека П. № 762).

¹⁸ Как заметил М. О. Гершензон в статье «Плагиаты Пушкина» (см.: Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М., 1926. С. 118), начальные образы и рифма были подсказаны Пушкину переводом оды Горация «К Леоконое» В. С. Филимонова (1821). Ср.: «И разъяренные валы, / Кипящи пеною седою / Дробит о грозные скалы» (цит. по: Филимонов В. С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии. М., 1988. С. 308).

¹⁹ Отдельное издание поэмы сохранилось в его библиотеке: Scott W. Rokeby: A Poem. The 6th ed. Edinburgh, 1815 (Библиотека П. № 1365).

To musing prone,
I wooed my solitary joy,
My Harp alone.

My youth with bold ambition's mood
Despised the humble stream and wood
Where my poor father's cottage stood,
To fame unknown; —
What should my soaring views make good?
My Harp alone!

Love came with all his frantic fire,
And wild romance of vain desire:
The baron's daughter heard my lire
And praised the tone; —
What could presumptuous hope inspire?
My Harp alone!

At manhood's touch the bubble burst,
And manhood's pride the vision curst,
And all that had my folly nursed
Love's sway to own;
Yet spared the spell that lulled me first,
My Harp alone!

Woe came with war, want with woe,
And it was mine to undergo
Each outrage of the the rebel foe: —
Can aught atone
My fields lay waste, my cot laid low?
My Harp alone!

Ambition's dreams I've seen depart,
Have rued of penury the smart,
Have felt of love the venom'd dart,
When hope has flown;
Yet rests one solace to my heart, —
My Harp alone!

Then over mountain, moor and hill,
My faithful Harp, I'll bear thee still;
And when this life of want and ill
Is wellnigh gone,
Thy strings mine elegy shall thrill,
My Harp alone!²⁰

²⁰ ЦИТ. ПО: The Complete Poetical Works of Sir Walter Scott. Cambridge Edition. Boston & New York, 1900. P. 267—268.

Наконец, у Вордсворта (которого Пушкин, по воспоминаниям С. П. Шевырева, читал тогда по-английски²¹) «шотландская строфа» появляется в связи с Робертом Бернсом — в моралистическом послании к сыновьям последнего («To the Sons of Burns, after Visiting the Grave of Their Father»), входившем в цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия по Шотландии» («Poems written during a Tour in Scotland»)²². Приведем его в ранней, короткой редакции 1807 г.:

Through twilight shades of good and ill
Ye now are panting up life's hill,
And more than common strength and skill
 Must ye display;
If ye would give the better will
 Its lawful sway.

Hath Nature strung your nerves to bear
Intemperance with less harm, beware!
But if the Poet's wit ye share,
 Like him can speed
The social hour—of tenfold care
 There will be need.

For honest men delight will take
To spare your failings for his sake,
Will flatter you,—and fool and rake
 Your steps pursue;
And of your Father's name will make
 A snare for you.

Let no mean hope your souls enslave;
Be independent, generous, brave;
Your Father such example gave,
 And such revere;
But be admonished by his grave,
 And think, and fear!²³

²¹ См.: П. в восп. Т. 2. С. 40.

²² Ср. заглавие «кавказского цикла», которое Пушкин дал ему при подготовке неосуществленного собрания стихотворений в конце 1836 г.: «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)». См. об этом: *Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов. С. 222—223; *Ларионова Е. О.* Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 281—282.

²³ *The Poetical Works of William Wordsworth / Ed. from the manuscript with textual and critical notes by E. de Selincourt and Helen Darbishire. Oxford, 1946. Vol. 3. P. 69—71 (см. также примеч.: P. 438, 443).*

Если «шотландская строфа», как мы предполагаем, пришла к Пушкину не через Барри Корнуола, а через Бернса, Вальтера Скотта или Вордсворта, то он не мог не почувствовать ее «местный колорит», ее связь с тем легендарным миром шотландских гор, который был ему знаком по вальтер-скоттовским романам. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что Пушкин опробовал новую для русской поэзии форму в стихотворении на кавказскую тему. Ведь русским романтическим сознанием Кавказ воспринимался как отечественный аналог горной Шотландии, воспетой поэтами Highland — экзотической страны суровой, величественной природы, свободолюбивых непокорных племен и, главное, красочных преданий, легенд, мифов. Собственно говоря, эффектная картина горного обвала изображена у Пушкина в легендарном плане, с противопоставлением непосредственно воспринимаемого настоящего воображаемому прошлому. Поэт сквозь «волнистую мглу» смотрит на *обычное* течение Терека и представляет себе когда-то случившуюся здесь *уникальную* («оттоль сорвался раз обвал»), грандиозную катастрофу — лавину, которая не оставила после себя никаких материальных следов, но память о которой сохранилась в местных преданиях. Речь здесь идет не о каком-то конкретном обвале (которого Пушкин не видел), но о редком природном явлении, преобразованном коллективной памятью в единичный полумифический феномен. Описание происшедшего, сначала правдоподобное, к концу стихотворения превращается в небылицу с почти сказочными подробностями²⁴: над Терекком вырастает «ледяный свод» — своего рода мост или виадук, через который идет «широкий путь», доступный лошадям, волам и даже верблюдам²⁵.

²⁴ В советской пушкинистике доминировала противоположная точка зрения. Так, Д. Д. Благой утверждал, что «Обвал» отличается «протокольной точностью» пейзажного описания (*Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830)*. М., 1967. С. 371—372).

²⁵ Как указал А. К. Жолковский, мотив движения по льду в поэзии Пушкина, и в том числе в «Обвале», имеет генетические («К Овидию») и типологические схождения с описанием зимы на Черном море в «Тристиа» Овидия (III, 10). См.: *Жолковский А. К. Заметки о тексте, подтексте и цитации у Патернака: (К различению структурных и генетических связей) // Boris Pasternak: Essays / Ed. by N. A. Nilsson. Stockholm, 1976. P. 77—78.* Для «Обвала» особенно значимы ст. 31—34, где появляется образ ледяных мостов над текущей водой, по которым движутся пешеходы, кони и волы. Ср.: «Там, где шли корабли, пешеходы идут, и по водам, / Скванным стужей, бьет звонко копыто коня. / Вдоль по неожиданным мостам <лат.: novos pontes> — вода подо льдом протекает — / Медленно тащат волы тяжесть сарматских телег» (пер. С. В. Шервинского). Заметим, что Овидий, никогда прежде не видевший замерзших рек и морей, описывает их как удивительное явление, в которое трудно поверить («vix equidem credar»).

На самом деле, конечно, большие горные обвалы в Девдоракском ущелье не создавали, а разрушали дороги, и движение через них было сопряжено с невероятными трудностями. А. С. Грибоедов, проезжавший по Военно-Грузинской дороге через год с лишним после обвала 1817 г., отметил в путевых записках: «Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек»²⁶. Как свидетельствовал П. П. Зубов, по завалам, образовавшимся на обоих берегах Терека вследствие гигантской лавины 1832 г., и на следующее лето «подняться и спускаться было крайне затруднительно»:

Проталины на каждом шагу; дорога косогором; спуски по льду гладкому, как зеркало. Всякий неосторожный шаг мог влечь к безвозвратной гибели. <...> За переправу повозок и выюков через завал платили огромные суммы. Повозки переносили на руках солдаты и осетины с невероятною трудностью; путешественников переводили осетины, держа под руки; и всякий, переехавший в то время Кавказ, произнес сердечную благодарную молитву Богу за спасение его от очевидной смерти. Правая же сторона завала, кроме массы сплошного льда и снега, не весьма высокой, покрыта была сверху еще новым завалом окрестных гор, состоящим из земли и камней, обрушенных ниспадавшею водою с гор от таявшего снега. Путь по сему завалу был труден до чрезвычайности. Пешком невозможно идти по причине глубокой грязи, а ехавши верхом — нога лошади беспрестанно скользила, из-под оной грязь, камня, снег и лед с шумом катились в отверстия, прорытые водою до самого Терека, и за каждый неосторожный шаг можно было заплатить жизнью.²⁷

Характерно, что единственная бесспорная параллель к пушкинскому образу чудесного ледяного моста была обнаружена В. Л. Комаро-

²⁶ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 288.

²⁷ Зубов П. П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и предельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835. Ч. 2. С. 176—178. Зубов с небольшими изменениями и дополнениями повторяет здесь описание пути через завалы из своей же книги «Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанных в 1833 году» (М., 1834. С. 43—45; Библиотека П. № 156). Ср. описание завала 1832 г. в воспоминаниях барона Торнау: «Проезд по Военно-Грузинской дороге прекратился в заваленном месте; почтовые лошади подвозили к подножию выросшей на пути снеговой горы, по другую сторону свежие тройки принимали путешественников. На завал приходилось подыматься по ступеням вырубленным во льду. Посредине снеговой массы образовалась расселина стофутовой глубины, через которую для перехода были переброшены доски. Расселина эта на другой год до того расширилась, что принуждены были переправлять через нее в висячем ящике, ходившем на блоках по толстым канатам» ([Торнау Ф. Ф.] Воспоминания о Кавказе и Грузии // РВ. 1869. № 4. С. 696).

вичем²⁸ в путевых записках поэта С. Д. Нечаева, который выше Кавказских Минеральных Вод в горы не поднимался и никаких обвалов не видел. В первом же абзаце отрывка, напечатанного в 1826 г. в «Московском телеграфе», Нечаев явно передает сведения о природных катастрофах, услышанные от старожилов:

Падения снежных глыб случаются здесь весьма нередко. Недавно огромный клуб снега и камней, скатившись с вершины Казбека, совсем было прекратил течение Терека. Легко могло б образоваться временное озеро и затопить все окрестные долины, но чрезвычайная быстрота реки скоро пробилла путь под глыбою, по которой потом ездили как по мосту, и немало времени потребно было, чтоб ужасная сия скала совершенно растаяла в соседстве ледяных вершин. — Бывают часто и землетрясения. После одного, замеченного в Бештовых горах, вдруг иссяк главный серный источник <...>. ...но к счастью, чрез несколько дней вода вновь показалась в водоеме, и в прежнем изобилии.²⁹

Едва ли можно согласиться с В. Д. Раком, объясняющим сходство двух описаний тем, что Пушкин помнил о прочитанном за три года до путешествия на Кавказ очерке Нечаева³⁰. Скорее на обоих поэтов произвели сильное впечатление одни и те же рассказы, которыми местные жители любят страшить приезжих и которым как Нечаев, так и Пушкин готовы были поверить, потому что искали в кавказской природе необычное, невероятное, небывалое. В этой связи отметим, что у Нечаева кавказский фольклор сразу же вызвал ассоциации с легендарной Шотландией Оссиана. Прослушав какие-то песни «черкесских бардов» в переводе, за точность которого не поручился сам толмач, он отметил «некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же

²⁸ См.: *Комарович В. Л.* Вторая кавказская поэма Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т. 6]. С. 217.

²⁹ *Нечаев С. Д.* Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // МТ. 1826. Ч. 7, № 1. Отд. I. С. 26—27. Курсив наш. Позже, уже после публикации «Обвала», образ ледяного моста появляется в незаконченном романе несчастного Александра Шишкова (см. о нем: *Шадури В.* Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951). Герой романа, молодой чиновник Лонской, едущий в Грузию, на перевале у Крестовой горы слышит позади «сильный, тяжелый удар», от которого «по ущелиям гор пробежал трепетный гул, и испуганные орлы поднялись с диким криком». Спутник героя, кавказский старожил, объясняет недоумевающему путешественнику, что это большой обвал. «Дня через два, — продолжает он, — Терек, запруженный обвалом, прорвет его и образует над собой крутой, ледяный мост, как триумфальную арку» (*Шишков А. А.* Соч. и переводы. СПб., 1835. Ч. 3. С. 5—6).

³⁰ *Рак В. Д.* К датировке стихотворения «Обвал». С. 327.

предметы...»³¹. Обвалы, землетрясения, внезапно иссякающие источники, воинственные горцы, распевające оссианические песни и, по словам А. А. Бестужева, «ожидające своего Валтер-Скотта»³², — все это составные части единого комплекса кавказской экзотики, к созданию которого Пушкин приложил руку еще в «Кавказском пленнике».

В пушкинистике принято сопоставлять «Обвал» с тематически близким абзацем из первой главы «Путешествия в Арзрум»:

Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, сваясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истошилась. Терек прорылся через обвал не прежде, как через два часа. То-то он был ужасен!

(Акад. Т. 8. С. 453)

Поскольку этот пассаж отсутствовал в ранней редакции главы — очерке «Военная Грузинская дорога (Извлечено из путевых записок А. Пушкина)», напечатанном в номере «Литературной газеты» за 5 февраля 1830 г., и, по всей видимости, был написан только в 1835 г., его обычно возводят к описаниям кавказских обвалов в тех книгах, которыми Пушкин пользовался как источниками при работе над «Путешествием в Арзрум». В первых, это указанные М. О. Гершензоном «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году *Н... Н...*» (М., 1829; Библиотека П. № 252)³³, автором которых, как установил впоследствии тбилисский исследователь Вано Шадури, был Н. А. Нефедьев³⁴. Здесь внимание исследователей привлекло следующее место, откуда, по утверждению Б. В. Томашевского³⁵, Пушкин и заимствовал сведения об обвале 1827 г.:

³¹ Нечаев С. Д. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России. С. 37.

³² [Бестужев А. А.] Письмо к доктору Эрману // Марлинский А. Полн. собр. соч. СПб., 1838. Ч. 3. С. 240. В письме к Н. А. и К. А. Полевым от 16 декабря 1831 г. Бестужев назвал Дагестан «land of mountains and floods», процитировав десятую песнь «Дон Жуана» Байрона, где этими словами охарактеризована Шотландия (см.: Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести / Изд. подгот. Ф. З. Канунова. СПб., 1995. С. 510, 687). Байрон, в свою очередь, цитировал поэму Вальтера Скотта «Песнь последнего минестреля» (VI, 2).

³³ Гершензон М. О. «Путешествие в Арзрум» (1829—1830) // Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. С. 50—59.

³⁴ Шадури В. 1) Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. С. 8, 307; 2) Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958. С. 441; 3) Пушкин и грузинская общественность. Тбилиси, 1966. С. 105.

³⁵ См. его примечание к первой фразе абзаца: «Сведения об этом обвале Пушкин заимствовал из книги Н. Нефедьева, но при этом допустил неточ-

Дорога от Кобии, доставляя удовольствие проститься с шумным Терекком, уклоняющимся вправо, грозит проезжающим снеговыми обвалами и трудную переправу чрез горы Крестовую и Гут.

Обвалы обыкновенно бывают или зимою при множестве снегов, или весною, когда снег тает. Место, подверженное с сей стороны опасности, начинается верстах в трех от Коби и продолжается версты на четыре по речке, возле которой в узком осеняемом горами овраге идет дорога. Причины ничтожные производят ужасное явление сих обвалов: силою ветра, легким бегом зверя или другою случайностию отрывается на высоте камень или маленький ком снега, который, катясь вниз, с каждым оборотом увеличивается и наконец достигает такой огромности, что, производя в воздухе страшный гул, покрывает овраг в длину на целую версту и более и на несколько сажень вышиною. В таких случаях бедным проезжающим нет спасения! После каждого обвала продолжение вновь пути стоит неимоверного труда, и сообщение на долгое время прекращается. Такой обвал случился до нас за месяц, и мы в конце июня ехали по громадам снега, под которым стремилась вода и, местами показываясь, опять исчезала.³⁶

Другой возможный источник пушкинского рассказа об обвале был обнаружен Ю. Н. Тыняновым во втором томе «Путешествия по России» французского консула в Тифлисе Т. Ф. Гамба (опубл. 1826):

A deux werstes de Dariel nous vîmes à droite, de l'autre côté du Terek, des monceaux de glace, débris de la terrible avalanche descendue du Kazbek en 1817: elle couvrit plus de deux werstes de pays, et arrêta le cours du Terek. Ce fleuve déborda alors des tous côtés, et rendit, pendant deux ans, la route impracticable aux voitures. Il paroît que cette catastrophe se renouvelle tous les sept ou huit ans. Le Kazbek se charge, pendant cet intervalle, d'une masse énorme de neige et de glaces, dont l'accumulation finit par perdre son équilibre, et qui couvre, par sa chute, une vaste étendue de pays.³⁷

ность; в книге сказано: “Такой обвал случился до нас за месяц, и мы в конце июня ехали по громадам снега”. Следовательно, обвал произошел в конце мая» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 809).

³⁶ [Нефедьев Н. А.] Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. С. 111—113.

³⁷ «В двух верстах от Дарьяла мы увидели справа, на другой стороне Терека, ледяные глыбы, остатки ужасной лавины, сошедшей с Казбека в 1817 году: она накрыла более двух верст земли и остановила течение Терека. Тогда река вышла из берегов и на два года сделала дорогу непроходимой для повозок. Кажется, такая катастрофа повторяется каждые семь или восемь лет. За этот промежуток времени Казбек обрастает гигантской массой снега и льда, образование которой заканчивается тем, что она теряет равновесие и, падая, накрывает огромное пространство» (Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba, consul du Roi à Tiflis. 2-ème éd. Paris, 1826. Т. 2. P. 24).

Согласно Тынянову, именно это сообщение Гамба, проезжавшего по Военно-Грузинской дороге в 1820 г., явилось не только источником процитированного выше абзаца «Путешествия в Арзрум», но и «сюжетом стихотворения “Обвал”»³⁸. Замечание Тынянова было подхвачено и развито В. Д. Раком, пришедшим к выводу, что «Обвал» никак не мог быть написан до знакомства Пушкина с книгами Нефедьева и Гамба, которое произошло, по мнению исследователя, после 5 февраля — дня публикации очерка «Военная Грузинская дорога», где эти источники «Путешествия в Арзрум» не отражены. «Живописная картина» обвала, утверждает В. Д. Рак, сложилась в воображении Пушкина только тогда, «когда на воспоминания о сходе лавины, сами по себе довольно сухие, наложились описания, прочитанные в книгах». «Тогда-то и образовалась благодатная почва, на которой вырос и “Обвал”, и — позднее — абзац в “Путешествии в Арзрум”»³⁹. Поэтому он предложил датировать стихотворение летом 1830 г., когда Пушкин вспоминал о «снеговых лавинах» в исправленной тогда строфе «Путешествия Онегина» и начал два наброска на кавказские темы⁴⁰.

Как нам представляется, элегантная конструкция, выстроенная В. Д. Раком, зиждется на еще более шатких основаниях, чем в случае с «шотландской строфой». Сравнив пушкинские «живописные картины» с их предполагаемыми источниками, нельзя не убедиться, что последние имеют мало общего с абзацем из «Путешествия в Арзрум» и ничего — с «Обвалом» (если не считать, конечно, констатации общеизвестного факта: «На Кавказе случаются горные обвалы»). У Нефедьева Пушкин взял для «Путешествия в Арзрум» указания на год, месяц (с ошибкой) и протяженность обвала, а также его топографическую локализацию (дорога, идущая от Коби), что привело к наложению друг на друга двух различных локусов и природных явлений⁴¹.

³⁸ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 206.

³⁹ Рак В. Д. К датировке стихотворения «Обвал». С. 322—323.

⁴⁰ Там же. С. 327—328.

⁴¹ На допущенную Пушкиным контаминацию первым указал кавказовед Е. Г. Вейденбаум, писавший: «Судя по описанию, речь идет о так называемом казбекском завале, но в июне 1827 года такого завала не было и, во всяком случае, Пушкин не мог видеть остатки его между сел. Коби и Крестовым перевалом, так как казбекский завал падает на военно-грузинскую дорогу по Девдоракскому ущелью, между Дариалом и сел. Гвелети. Та часть военно-грузинской дороги, о которой говорит Пушкин, проходит по Байдарскому ущелью, известному обилием снежных обвалов» (Вейденбаум Е. Г. Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум» и хронологическая канва к кавказскому путешествию А. С. Пушкина в 1829 г. // Кавказская поминка о Пушкине (26 мая 1799—26 мая 1899 г.). Тифлис,

Кажется, Пушкин не заметил (или предпочел не заметить), что Нефедьев рассказывает отнюдь не о грандиозной лавине на Тереке — катастрофическом событии, которое, по Пушкину, случается «каждые семь лет», а о заурядном сезонном обвале в более чем трех верстах от Терека, на безымянной речке, вдоль которой идет узкая дорога к Крестовой горе⁴². Это дало возможность Пушкину, не сильно погрешив против фактов (ведь он действительно проезжал по той самой дороге, где в 1827 г. произошел обвал, описанный Нефедьевым, хотя следов его, конечно, не застал), создать у читателя «Путешествия в Арзрум» впечатление, что он, подобно Гамба или Платону Зубову, которые наблюдали ледяные завалы на берегах Терека через длительное время после схождения гигантских лавин, соответственно, 1817 и 1832 гг., воочию видел то, о чем на самом деле только слышал и читал.

Что же касается «Обвала» (где Пушкин, в отличие от «Путешествия в Арзрум», не претендует на роль очевидца), то в нем не обнаружи-

1899. С. 52). Осетинский краевед Г. И. Кусов попытался объяснить противоречие тем, что Пушкин «посчитал нужным не рассеивать рассказы об “обвалах” по всему дневнику, а сосредоточить их описание в одном месте. И сделал это на странице, где шел рассказ о переезде через Крестовый перевал с полковником Огаревым, “осматривающим местные дороги”» (*Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Орджоникидзе, 1987. С. 137*). Это объяснение не кажется особенно убедительным, потому что абзац об обвалах был поздней, написанной на отдельном листе вставкой в уже законченный текст «Путешествия», которую Пушкин в принципе мог «вклеить» и в рассказ о пути от Дарьяла к Казбеку, где он был бы более уместен не только по топографическим или гляциологическим, но даже и по стилистическим соображениям, ибо первое слово в нем тогда не повторяло бы последнее слово предыдущего абзаца (...*дороги. // Дорога*). С другой стороны, в этом случае Пушкину пришлось бы указать, что последний казбекский завал произошел не в 1827-м, а в 1817 г., т. е. за двенадцать лет до его путешествия, и, следовательно, отказаться от роли очевидца, рассказывающего лишь о том, что он видел своими глазами.

⁴² Снежные завалы на этом участке дороги отмечают как Гамба, проезжавший здесь в конце мая 1820 г. (см.: *Voyage dans la Russie méridionale... Т. 2. Р. 34*), так и П. П. Зубов. «Часто слышно об обвалах, засыпающих дорогу, — пишет последний, — но редко о погибших от сего путешественниках, благодаря попечению правительства» (*Зубов П. П. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанных в 1833 году. С. 50*). Возможно, рассказ о гибели на Крестовой горе русского извозчика, вставленный Пушкиным в рукопись «Путешествия в Арзрум» («Обвал оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку; поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась через дорогу и покатила в пропасть со своею добычей» — Акад. Т. 8. С. 453—454), был ответом на чересчур благостную и, главное, верноподданническую картину, нарисованную Зубовым. Барон Торнау был очевидцем того, как в марте 1832 г. «около Байдары свалился снежный завал и засыпал ехавших из Грузии с почтой трех почтарей, двух казаков и семь лошадей» (*Торнау Ф. Ф.] Воспоминания о Кавказе и Грузии. С. 30*).

вается ни единой параллели к рассказу Нефедьева. Правда, В. Д. Рак указывает на переключку между «страшным гулом», которым, по Нефедьеву, сопровождается обвал, и «страшным грохотом» лавины в стихотворении (ср. также «ужасный грохот» в «Путешествии в Арзрум»), но это — лишь подробность, которая отражает реальность и повторяется во многих описаниях горных обвалов, как западноевропейских (ср., например, примеры из Байрона в примеч. 17), так и русских. Среди «диких картин Кавказа» в строфах из оды Г. Р. Державина «На возвращение графа Зубова из Персии», процитированных в пушкинских примечаниях к «Кавказскому пленнику», есть образ снегов, которые «с грохотом <...> Падут, лежавши целы веки» (Акад. Т. 4. С. 115)⁴³. Несомненно, Пушкин читал и монолог Чацкого в ранней редакции «Горя от ума», где герой вспоминает кавказские лавины:

Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег, в паденьи все охватит,
С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность.
(Акт 4, сц. 10)⁴⁴

Сам Пушкин слышал с вершины Крестовой горы «глухой грохот» или «рокот», произведенный «малым обвалом»⁴⁵, и легко мог представить себе, какой страшный шум должен производить обвал гигантский.

Еще меньше точек пересечения с обоими пушкинскими описаниями обвала имеет указанный Тыняновым фрагмент книги Гамба, хотя в данном случае речь идет об одном и том же природном феномене. Если для Пушкина центральный момент катастрофы — это прорыв Терека сквозь ледяную преграду, то Гамба говорит только о разливе реки; «широкий путь» в «Обвале» противоречит тому, что французский путешественник сообщает о прекращении движения по дороге; лавина у Пушкина засыпает ущелье «на целую версту», а у Гамба — на две версты и более. Единственное же

⁴³ Я благодарен О. А. Проскуруину, напомнившего мне об этом пушкинском примечании.

⁴⁴ *Грибоедов А. С. Горе от ума / Изд. подгот. Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина. 2-е изд. М., 1987. С. 260 (Лит. памятники).*

⁴⁵ См. запись в его кавказском дневнике 1829 г., с некоторыми изменениями воспроизведенную в «Путешествии в Арзрум»: «Мы достигли снежной вершины Кавказа. — В это время услышал я глухой грохот <в «Путешествии»: «рокот»>. — Обвал, — сказал мне полковник. Я оглянулся и увидел в стороне огромную грудку снега, которая сыпалась и медленно съезжала с крутизны» (*Пушкин А. С. Дневники. Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 24 (Лит. памятники).*)

совпадение — и в записках Гамба, и в «Путешествии в Арзрум» отмечена примерно одна и та же периодичность гигантских обвалов на Тереке — можно объяснить тем, что представления об этом издавна бытовали среди кавказских старожилов и, вероятно, внушались всем приезжим. Так, еще после разрушительного обвала 1808 г. граф Иван Васильевич Гудович, командовавший тогда русскими войсками на Кавказе, писал в донесении, что такое бедствие, «по уверению жителей, возобновляется через каждые семь лет»⁴⁶. Прочитировав эту фразу, Л. П. Семенов справедливо указал, что «в действительности, подобной периодичности в обвалах не наблюдается; наиболее значительные обвалы были в 1808, 1817 и 1832 годах»⁴⁷. Однако, хотя к началу 1830-х гг. стало ясно, что реальная хронология катастроф не подтверждает распространенную легенду, русские авторы книг о Кавказе упорно держатся ошибочных представлений. В упомянутой выше сцене из незаконченного романа А. А. Шишкова (который Пушкин, скорее всего, читал до начала работы над «Путешествием в Арзрум», так как хлопотал о посмертном издании сочинений своего убитого приятеля, где этот роман и был напечатан) кавказский старожил говорит герою, что обвал, свидетелями которого они оказались, «случается через каждые семь лет»⁴⁸. Утверждение, что «подобные случаи бывают периодически, через каждые семь лет, иногда же и более», повторяется и в обеих книгах П. П. Зубова⁴⁹. Очевидно, похожая формула у Пушкина не восходит к какому-то конкретному источнику, а является устойчивым элементом «кавказского дискурса» первых десятилетий XIX в.

Опора пушкинских описаний не на книги о Кавказе, а на устную традицию ярче всего проявляется в их «сильных местах», которые не имеют аналогов в источниках, — в стихах «Обвала» о ледяном своде над Терekom и в той фразе из «Путешествия в Арзрум», где вводится точка зрения неких надежных свидетелей происшедшего — каких-то неведомых «часовых», которые слышали «ужасный грохот» и видели, как Терек внезапно обмелел. Г. И. Кусов предположил, что в последнем случае Пушкин передает рассказы, услышанные им на Кавказе «от очевидцев» — скорее всего, от самих «солдат-часовых»⁵⁰. Верное

⁴⁶ Сборник сведений о завалах, упавших с горы Казбек с 1776 по 1878 год на Военно-Грузинскую дорогу. Тифлис, 1884. С. 16.

⁴⁷ Семенов Л. П. Пушкин на Кавказе. Пятигорск, 1937. С. 83.

⁴⁸ Шишков А. А. Соч. и переводы. Ч. 3. С. 6.

⁴⁹ Зубов П. П. 1) Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанных в 1833 году. С. 43; 2) Картина Кавказского края, принадлежащего России... Ч. 2. С. 175.

⁵⁰ Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. С. 138.

по сути, это предположение явно нуждается в некоторой корректировке, ибо за двенадцать лет, прошедших с обвала 1817 г., часовые должны были сменить, а очевидцы (если таковые были среди собеседников Пушкина) успели многое забыть, перепутать и приукрасить. Пушкину, несомненно, запомнились эффектные подробности каких-то рассказов об обвалах 1808 и 1817 гг., но сами эти рассказы были уже вторичной версией событий, своего рода местным преданием со всеми особенностями, присущими таким нарративам, — отсылками к «надежным», но неидентифицируемым свидетелям (отсюда — безымянные «часовые»), преувеличениями и искажениями, усиливающими фабльную связность, риторическими фигурами. Как показывают примеры «Бориса Годунова», «Анчара», «Моцарта и Сальери», «Героя», «На Испанию родную...» и ряда других произведений, легенды, предания и рассказы часто воздействовали на поэтическое воображение Пушкина сильнее, нежели исторические или естественнонаучные «факты», и его изображения кавказских природных катастроф — еще одно тому подтверждение.

Кажется, еще никем не было замечено, что в оборванном стихотворном черновике, предположительно датируемом концом 1829 г., Пушкин уже пытался изобразить внезапную остановку Терека примерно так же, как в «Путешествии в Арзрум», — с точки зрения наблюдателя, не понимающего, что заставило реку *утихнуть* и *источиться* (выделенные слова будут потом использованы и в прозаическом описании):

Меж горных <стен><?> несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, [то там] дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет —
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истошаясь,
Поток струится дождевой.
И вот < > обнажилось
Его кремнистое русло.

(Акад. Т. 3. С. 201)

Очевидным логическим продолжением наброска должно было бы стать объяснение причин странной аномалии и, следовательно, переход к рассказу о лавине, перегородившей реку выше по течению. Таким образом, перед нами — самый первый подступ к теме «Обвала», который, видимо, не удовлетворил Пушкина из-за того, что

избранный им ракурс изображения не оставлял места для введения лирического «я» и требовал определенной «прозаической» фокализации (использованной потом в «Путешествии в Арзрум»). Можно с уверенностью предположить, что набросок непосредственно предшествовал «Обвалу», на что прямо указывает, помимо прочего, перекличка стихов «И вдруг утих и смирен стал» и «Вдруг, истощась и присмирив». По-видимому, Пушкин изменил план, когда нашел иной, «поэтический» угол зрения, позволивший ему представить природный феномен как драматическую стычку двух сил — стремительной и преграждающей движение, вечной и преходящей. «Шотландская строфа» с ее сплошными мужскими рифмами и двумя короткими стихами, которые как бы пробиваются из-под толщи стихов длинных⁵¹, если не подсказала Пушкину новый поворот темы, то во всяком случае оказалась ему адекватной.

Изложенные выше соображения, к сожалению, не позволяют сузить датировку «Обвала», предложенную Н. В. Измайловым в «большом» академическом собрании сочинений («написано между 24 мая и декабрем (?) <1829 г.>» — Акад. Т. 3. С. 1196), а, наоборот, заставляют поднять ее верхнюю границу до 29—30 октября 1830 г. Следует, однако, обратить внимание на одно обстоятельство. Известно, что в декабре 1829 — начале января 1830 г. Пушкин работал над двумя переводами из Роберта Саути, «Гимн пенатам» («Еще одной высокой, важной песни...») и «Медок» («Попутный веет ветер. — Идет корабль...»)⁵², пытаясь освоить новую для него стиховую форму, распространенную в английской романтической поэзии, — пятистопный беззачурный белый ямб. Не исключено, что обращение Пушкина к «шотландской строфе» тоже явилось результатом изучения особенностей английского стихосложения, предпринятого в это время. Косвенным аргументом в пользу нашего предположения являются определенные лексические, синтаксические и звуковые переклич-

⁵¹ На иконическую выразительность «Обвала» обратил внимание А. К. Жолковский. По его наблюдению, только во второй строфе стихотворения короткие строчки содержат одно слово, что конкретизирует ее главную тему — «глыба, занимающая все пространство и останавливающая движение» (см.: *Жолковский А. К. How to show things with words (Об иконической реализации тем средствами плана выражения) // Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — тема — приемы — текст. М., 1996. С. 80—81).*

⁵² Даты установлены Я. Л. Левкович. См.: *Левкович Я. Л. 1) Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 841: (История заполнения) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 267—268; 2) Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842: (История заполнения) // Там же. Л., 1991. Т. 14. С. 152.*

ки между предпоследней фразой «Медока» — «...и корабль надежный / Бежит, шумя, меж волн», с одной стороны, и некоторыми стихами как «Обвала», так и предшествовавшего ему наброска — с другой. Ср.:

*Меж горных стен несется Терек
Уж он бежит едва живой
Шумят и пенятся валы
И всю теснину между скал
И Терек злой под ним бежал
И шумной пеной орошал*

Во всяком случае, к концу 1829 г. все предпосылки для написания «Обвала» были налицо: услышанные на Кавказе рассказы и рассказы еще свежи в памяти, английские книги — под рукой, переводы Козлова из Бернса, вероятно, прочитаны. Поэтому есть основания выделить зиму 1829—1830 г. как зону повышенной вероятности внутри предельно широкого интервала датировки стихотворения (не ранее 24 мая 1829 г. — не позднее 30 октября 1830 г.), хотя точное время и место его создания мы, боюсь, определить никогда не сможем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иван Козлов

*К полевой маргаритке, которую
Роберт Борнс, обрабатывая свое поле,
нечаянно срезал железом сохи
в апреле 1786 г.
(Козлов И. И. Полн. собр.
стихотворений. С. 170—171)*

Цветок пунцовый, полевой!
Ты, бедный, встретил со мной
Не в добрый час: тебя в красе
 Подрезал я.
Жемчуг долин, не можно мне
 Спасти тебя!

Не пестрый, резвый мотылек
Теперь твой нежный стебелек
На дерн, увлажненный росой,
 Порхая, гнет;
К тебе румяною зарей
 Он не прильнет.

В холодном поле ветр шумел,
И дождик лил, и гром гремел;

Robert Burns

To a Mountain Daisy,
on turning one down
with the plough, in April, 1786.
(The Poetical Works of Robert Burns.
Vol. 1. P. 128—129)

Wee, modest, crimson-tipped flow'r,
Thou's met me in an evil hour;
For I maun crush amang the stoure
 Thy slender stem;
To spare thee now is past my pow'r,
 Thou bonnie gem.

Alas! it's no thy neebor sweet,
The bonie Lark, companion meet!
Bending thee 'mang the dewy weet!
 Wi' spreckl'd breast,
When upward-springing, blythe, to greet
 The purpling east.

Cauld blew the bitter-biting north
Upon thy early, humble birth;

Но туча мрачная прошла,
Меж тем в глуши
Ты нежно, тихо расцвела,
Цветок любви.

Сады дают цветам своим
Приют и тень — и люблю им;
Но сироту, красу полян,
Кто сбережет?
От зноя туча, иль курган
От непогод?

Из-под травы едва видна,
Цвела ты, прелести полна,
И солнца луч с тобой играл;
Но тайный рок
Железо острое наслал —
Погиб цветок...

Таков удел, Мальвина, твой,
Когда невинною душой
Ты ловишь нежные мечты;
Любовь страшна:
Как мой цветок, увянешь ты
В тоске, одна.

Певцу удел такой же дан:
Бушует жизни океан,
Не видно звезд, а он плывет,
Надежда мчит;
Он прост душой, он счастья ждет.
Челнок разбит.

И добрый, злыми утеснен,
Тому ж уделу обречен:
Никто ничем не упрекнет,
А жил в слезах;
Приюта нет: он отдохнет...
На небесах!

И я горюю о цветке;
А может быть, невдалеке
Мой черный день; и как узнать,
Что Бог велел?
Не о себе ли горевать
И мой удел?..

Yet cheerfully thou glinted forth
Amid the storm,
Scarce rear'd above the parent-earth
Thy tender form.

The flaunting flow'rs our gardens yield,
High shelt'ring woods and wa's maun shield,
But thou, beneath the random bield
O' clod or stane,
Adorns the histie stibble-field,
Unseen, alane.

There, in thy scanty mantle clad,
Thy snawy bosom sun-ward spread,
Thou lifts thy unassuming head
In humble guise;
But now the share uptears thy bed,
And low thou lies!

Such is the fate of artless maid,
Sweet flow'ret of the rural shade!
By loves simplicity betray'd,
And guileless trust;
Till she, like thee, all soil'd, is laid
Low i' the dust.

Such is the fate of simple Bard,
On Life's rough ocean luckless starr'd!
Unskilful he to note the card
Of prudent lore,
Till billows rage, and gales blow hard,
And whelm him o'er'.

Such fate to suffering worth is giv'n,
Who long with wants and woes has striv'n,
By human pride or cunning driv'n
To mis'ry's brink,
Till wretch'd of ev'ry stay but Heav'n,
He, ruin'd, sink!

Ev'n thou who mourn'st the Daisy's fate,
That fate is thine—no distant date;
Stern Ruin's ploughshare drives, elate,
Full on thy bloom,
Till crush'd beneath the furrow's weight
Shall be thy doom!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009